ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1(092)
DOI 10.18101/2686-7095-2026-3-73-81

ПОЭТИКА И ФУНКЦИИ МОТИВА МОЛЧАНИЯ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ»

© **Ахадова Рёя Акперкызы**
аспирант
roya.akhadova@bk.ru

© **Штуккерт Мария Леонидовна**
кандидат филологических наук, доцент
torkwemashenka@yandex.ru

Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Аннотация. Статья посвящена анализу мотива молчания в повести «Кроткая» Ф. М. Достоевского. Исследуемый мотив рассмотрен в его соотнесённости с мотивом измененного состояния сознания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения художественных механизмов репрезентации внутреннего опыта человека в кризисных ситуациях, а также недостаточной разработанностью вопроса о функциональной роли молчания в поэтике повести. Цель работы заключается в выявлении особенностей функционирования мотива молчания. Методологическую основу составляет мотивный анализ, осуществляемый с опорой на положения теории мотива, обобщенной И. В. Силантьевым. В статье обосновываются формальные и содержательные признаки выделения мотива молчания, рассматриваются его основные разновидности (тишина, молчание как форма власти, смирение, экзистенциальное молчание) и их связь с ключевыми этапами внутреннего кризиса персонажей. Установлено, что молчание в повести выступает не только как характеристика коммуникативного разрыва, но и как важнейшее средство художественной репрезентации пограничных состояний сознания. Делается вывод о том, что мотив молчания является значимым элементом художественной системы произведения, способствующим раскрытию психологизма и передаче пограничных состояний сознания героев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Кроткая», мотив, мотивный анализ, измененное состояние сознания, мотив молчания, тишина, художественное сознание, психологизм, внутренний монолог, пограничное состояние.

Для цитирования
Ахадова Р. А., Штуккерт М. Л. Поэтика и функции мотива молчания в повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2026. Вып. 3. С. 73–81.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью углубленного изучения поэтики Ф. М. Достоевского, в частности механизмов художественного воплощения внутреннего опыта человека в кризисных состояниях. В рамках настоящей статьи внимание уделяется мотиву молчания, который рассматривается как один из ключевых способов художественного воплощения измененного состояния сознания героев.

Изучение поэтики Ф. М. Достоевского ведется не только на материале художественных текстов, но и публицистики: так, гуманистическое сознание автора и его взгляд на русское общество XIX в. рассматриваются на материале «Дневника писателя» [8]. Применительно непосредственно к повести «Кроткая» неоднократно рассматривались вопросы поэтики текста [9; 6], однако функционирование мотива молчания, особенно в системе сюжетных мотивов повести, не становилось предметом специального анализа, что определяет научную новизну исследования.

Цель работы заключается в выявлении особенностей функционирования мотива молчания в повести «Кроткая».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить теоретическую литературу об измененном состоянии сознания, а также о методологии мотивного анализа; осуществить мотивный анализ повести Ф. М. Достоевского «Кроткая»: выделить исследуемый мотив, обосновав формальные признаки его выделения, рассмотреть сопутствующие мотивы; рассмотреть функциональную значимость мотива молчания в повести.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является повесть Ф. М. Достоевского «Кроткая». Методологическую основу работы составляет мотивный анализ, который осуществляется с опорой на обобщения, представленные в монографии И. В. Силантьева «Поэтика мотива». Сюжетный мотив рассматривается как устойчивая единица повествования, обладающая инвариантной основой и вариативными формами реализации в тексте [10]. Это предполагает, что выделение мотива должно опираться на совокупность его повторяющихся признаков, как формальных (лексических, синтаксических, композиционных), так и содержательных.

Основанием для выделения мотива молчания в повести «Кроткая» служат следующие признаки: повторяемость определенной лексики (основные единицы — формы глагола «молчать» и однокоренные слова, «тишина» и однокоренные слова); сходство сюжетных эпизодов, в которых обнаруживается мотив (ситуации явного или скрытого конфликта, в которых диалог принимает форму разобщения); функциональное единство: сюжетное значение и роль в раскрытии психологического конфликта. Отдельный критерий, имеющий значение только в рамках предпринятого исследования, — соотнесенность с мотивом измененного состояния сознания.

Результаты

Вопрос о способах изображения внутреннего состояния человека в прозе Ф. М. Достоевского неоднократно становился предметом научного анализа. Исследователи отмечают, что одной из ключевых особенностей поэтики писателя является стремление к передаче предельных, кризисных состояний сознания: «Любые отношения между героями, любые внутренние переживания отдельных героев Достоевский старается довести до предельной интенсивности и конфликтности» [7, с. 12]; «… ведь он всегда изображает человека на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершенного — и непредопределимого — поворота его души» [1, с. 144]. М. М. Бахтин также отмечает аспект, особенно важный в контексте предпринятого исследования: «Достоевский изобразил бы не смерти своих героев, а кризисы и переломы в их жизнях*, то есть изобразил бы их жизни на пороге*» (курсив наш. — *Р. А.*) [Там же, с. 152]. Пороговость, пограничность — это ключевые понятия в рамках психологии измененного состояния сознания в поэтике Ф. М. Достоевского. В этом контексте особую значимость приобретает мотив молчания: именно молчание маркирует те пороговые состояния героев, вслед за которыми раскрывается мотив измененного состояния сознания. Иными словами, событийный и психологический сюжеты развиваются как бы толчками: от одного порога, отмеченного молчанием, к другому.

В повести «Кроткая» мотив молчания занимает центральное место в системе средств, демонстрирующих измененное состояние сознания героев, но его функционирование этим не ограничивается.

Молчание может восприниматься прежде всего как буквальное отсутствие речи, характеризующее повседневное взаимодействие героев повести: «Только что получала деньги, тотчас же повертывалась и уходила. *И всё молча*» (курсив наш. — *Р. А.*) [5, с. 6], «Она опять вспыхнула, выслушав это “для вас”, *но смолчала*, не бросила денег, приняла, — то-то бедность!» [5, с. 7], «*Она смолчала*. Я вынес ей пять рублей» [Там же, с. 9]. Молчание здесь — способ дистанцирования, нежелание вступить в диалог, и это поведение свойственно именно героине. В кульминационном эпизоде произведения молчание героев приобретает иной смысл: ростовщик воспринимает его как борьбу, которую необходимо выдержать даже под страхом смерти: «… я знал всей силой моего существа, что между нами в это самое мгновение идет борьба, страшный поединок на жизнь и смерть, поединок вот того самого вчерашнего труса, выгнанного за трусость товарищами» [5, с. 36], «Я встал с постели: я победил, — и она была навеки побеждена!» [Там же]. Герой осмысляет собственную способность выдержать это молчание как победу. Таким образом, молчание здесь не сводится к простому отсутствию речи: оно наполняется внутренним напряжением и становится формой противостояния героев, в котором решается исход их отношений.

Дальнейшее усложнение функциональной природы мотива связано с мотивом тишины: ростовщик в приведенных выше цитатах несколько раз акцентирует внимание читателя на словно осязаемой мертвой тишине. «Тишина» здесь

приобретает смысл, не сводимый к простому отсутствию звукового фона. Она становится особым состоянием пространства, в котором коммуникация между героями оказывается невозможной, несмотря на их предельную физическую близость. Герой «слышит» тишину, что свидетельствует о нарушении привычных границ восприятия: тишина превращается в ощутимую, почти материальную категорию. Она фиксирует предельное напряжение сознания, находящегося в состоянии кризиса, и маркирует границу перехода между нормальным и измененным восприятием (это объясняет, почему герой не останавливает жену, ждет итога, рискуя жизнью). Таким образом, молчание выступает не только как характеристика ситуации, но и как форма выражения измененного состояния сознания.

Молчание является также важной составляющей мотивного комплекса героя-рассказчика, выступая как инструмент власти и психологического давления. Сознательный отказ героя от диалога становится способом самоутверждения: «Вот в том-то и была моя идея. На восторги я отвечал молчанием, благосклонным, конечно… но все же она быстро увидала, что мы разница и что я — загадка» [5, с. 11]; «Я все молчал, и особенно, особенно с ней молчал, до самого вчерашнего дня, – почему молчал? А как гордый человек <…> я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания — и я стоил того» [Там же, с. 14]; «Она все как-то, помню, тогда исподтишка на меня глядела; я, как заметил это, и усилил молчание» [Там же, с. 15]. В приведённых фрагментах герой использует молчание для установления дистанции во взаимоотношениях с женой, подчеркивая свое высшее по сравнению с ней положение. Молчание здесь способ доминирования, который отражает искаженное представление героя о нормальном взаимодействии с другими людьми. В последнем примере фраза «усилил молчание» звучит отчасти оксюморонно: молчание — это отсутствие речи, такое состояние вряд ли можно усилить физически. Возможно, значение интенсификации связано с количеством невысказанного: все большая часть диалога героев уходит в область не просто невысказанного, но невыразимого.

Вместе с тем в тексте молчание представлено не только как инструмент психологического воздействия героя на его жену: он сам на себе испытал молчание как форму давления, оружие, которым против него воспользовались другие: «Вы отвергли меня, вы, люди, то есть вы прогнали меня с презрительным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь» [5, с. 16]; «А потом уж не хотел сознаться, и мучил всех, и ее за то мучил, и на ней затем и женился, чтобы ее за то мучить» [Там же, с. 30]. В данном случае молчание осмысляется как форма социального наказания, выражение отчуждения и непринятия. Именно ситуация отвержения становится для героя переломной: пережитое им «презрительное молчание» со стороны общества провоцирует внутренний кризис и может рассматриваться как один из источников формирования мотива измененного состояния сознания. Можно предположить, что молчание становится для героя единственно возможной формой ком-

муникации, в рамках которой отношения строятся как система подчинения и власти. Молчание в этой своей ипостаси функционирует как замкнутый механизм психологического насилия, воспроизводящийся в системе отношений героя с миром и с другим человеком.

Особое значение имеет молчание, связанное с мотивным комплексом, присущим героине. В начале повести она проявляет стремление к бунту, и его выражением становится в том числе отказ от диалога с рассказчиком: «То есть ссор не было, опять-таки, но было молчание и — все больше и больше дерзкий вид с ее стороны. *“Бунт и независимость” — вот что было, только она не умела*» [5, с. 30]; «Она вдруг вскочила, вдруг вся затряслась и — что бы вы думали — *вдруг затопала на меня ногами; это был зверь, это был припадок, это был зверь в припадке*» [Там же, с. 17]. Как только героиня начинает испытывать чувство вины и стыда из-за своего опрометчивого поступка (встречается с бывшим товарищем мужа по полку — Ефимовичем, а после приставляет дуло револьвера к виску мужа), наступает иное молчание, усиленное ее длительной болезнью. Это молчание-смирение, и она все больше и больше в него погружается: «Когда она встала совсем, то тихо и *молча* села в моей комнате за особым столом, который я тоже купил для нее в это время… Да, это правда, *мы совершенно молчали*; то есть мы начали даже потом говорить, но — все обычное. Я, конечно, нарочно не распространялся, но я очень хорошо заметил, *что и она как бы рада была не сказать лишнего слова*» [5, с. 23]. Приведенные примеры демонстрируют амбивалентную природу молчания героини: от бунта до потрясения, надломленности, смирения.

Любопытно соотнесение мотива молчания и названия повести. Кроткая — характеристика, относящаяся к главной героине. Конечно, молчание и кротость — не синонимы, одно не обязательно предполагает другое. Но вот прилагательные «кроткий» и «тихий» уже могут быть рассмотрены как контекстуальные синонимы. Сближение понятий «кроткий» и «тихий» подтверждается языковыми данными. Обращение к материалам Национального корпуса русского языка показывает, что в ряде контекстов данные прилагательные выступают как синонимичные. В корпусных примерах «кроткий» нередко входит в один семантический ряд с такими определениями, как «тихий», «смирный», «незлобивый», что позволяет говорить о частичном пересечении их значений в сфере характеристики поведения и внутреннего состояния человека. В целом в Национальном корпусе русского языка зафиксировано 96 контекстов, в которых прилагательные «кроткий» и «тихий» сближаются в рамках одного высказывания. Синтаксически они чаще всего функционируют как однородные члены предложения: выступают либо в роли сказуемых, выраженных краткими прилагательными, либо в роли определений. Такая сочетаемость свидетельствует о

том, что в языковой практике данные слова осмысляются как семантически близкие и могут выступать в качестве контекстуальных синонимов[1].

При этом важно подчеркнуть, что речь не идет о полной синонимии: «тихий» в большей степени связан с внешним проявлением (отсутствием шума, сдержанностью), тогда как «кроткий» обладает более выраженной этической и религиозной коннотацией. Однако именно зона их пересечения (характеристика ненасильственного, неагрессивного способа существования) оказывается значимой для анализа образа героини. Поэтому, оставаясь в сфере рассуждения о внутреннем мире героя, констатируем, что «тихий» имеет скорее метафорическое, чем прямое, значение.

Связь тишины, тихого слова и кротости все же может быть замечена. Так, пророк Исаия называет Христа образцом кротости, перечисляя: Он «не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» [3, Ис. 42: 2–3]. Кротость не предполагает инфантильности или слабости, кроткое тихое слово или кроткая тишина — не орудие защиты или наказания. Но молчание и «тишину» характера своей жены рассказчик понимает именно так. Как кажется, это расхождение между подлинным смыслом кротости и ее искаженным восприятием в сознании героя формирует трагическое недопонимание, лежащее в основе конфликта.

Конечно, все еще остается дискуссионным вопрос характера Кроткой в связи с финалом повести. Самоубийство может быть осмыслено как предельная форма бунта — окончательный разрыв с миром, в котором героиня оказывается лишенной возможности быть услышанной. В этом случае ее молчание достигает крайней точки и переходит в действие. Такой поступок трудно соотнести с христианским пониманием кротости, поскольку самоубийство мыслится как грех, как отказ от смирения. Это заставляет предположить, что «кроткая» — определение, данное героине рассказчиком, но не совпадающее с ее подлинной сущностью.

Однако возможно и иное прочтение, в рамках которого финал приобретает парадоксальный характер. Героиня бросается в окно, сжимая в руках икону, — этот жест соединяет в себе несовместимое: «Она услышала, двинулась было повернуться ко мне, да не повернулась, а шагнула, образ прижала к груди и –и бросилась из окошка!»; «и она лежит с образом» [5, с. 33]. В таком случае ее поступок нельзя однозначно определить ни как бунт, ни как смирение: он оказывается выражением такого психологического напряжения, в котором кротость принима-

[1]Например, «Старчество расширилось, укрепилось и переживало свою мирную пору при восприемнике Льва — старце Макарии, кротком, смиренном, смиренномудром и тихом подвижнике» [монахиня Игнатия (Петровская). Слово о старчестве (1992–1999)], «Бурнашов примчался вчера: мать была кроткая, тихая, просветленная» [Владимир Личутин. Любостай (1987)], «Наша кроткая, тихая, застенчивая мать поставила себе задачею, несмотря на скудность наших средств, дать по возможности высшее образование всем своим детям и достигла этой цели, проявив изумительную настойчивость и умение экономно вести хозяйство» [Н. О. Лосский. Воспоминания: жизнь и философский путь (1968)]. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 07.05.2026).

ет трагическую форму. В этом контексте молчание героини можно рассматривать как отказ от участия в мире насилия, но не как пассивность. Напротив, это форма внутреннего сопротивления, не переходящая в активное противодействие, но и не сводимая к подчинению. Ее «тишина» оказывается не слабостью, а иной, недоступной пониманию героя формой силы.

Возможна и еще одна интерпретация, связанная уже с мотивом вины. В финальном перед самоубийством эпизоде героиня в разговоре с мужем прямо называет себя «преступницей» и подчеркивает, что совершенное ею «преступление» мучило ее на протяжении долгого времени и продолжает мучить в настоящем: «Но вдруг она подходит ко мне, становится сама передо мной и, сложив руки (давеча, давеча!), начала говорить мне, …что преступление ее мучило всю зиму, мучает и теперь... что она слишком ценит мое великодушие... “я буду вашей верной женой, я вас буду уважать...”» [Там же, с. 32]. В этом контексте ее молчание становится не выбором, а состоянием, которое должно быть преодолено — ради искупления вины. Важно, что героиня не говорит о любви: на первый план выходит мотив долга и нравственного обязательства. Это позволяет рассматривать ее слова как попытку искупления переживаемой вины через принятие определенной роли. Возникает мысль, что героиня будто готова существовать в системе, основанной на подчинении, чего изначально ростовщик и добивался. Однако трагический итог повести свидетельствует о том, что это невозможно для нее.

Таким образом, в связи с мотивом вины финальный поступок героини может быть интерпретирован не как бунт и не как проявление кротости, а как невозможность существования с осознанием собственной вины. Самоубийство в этом случае предстает как попытка выхода, освобождения.

Название повести приобретает проблемный характер: «кроткая» — это не устойчивая характеристика, а своего рода вопрос, адресованный читателю. Финал не дает ответа на этот вопрос, а, напротив, создает поле для множества трактовок, во многом противоречащих друг другу.

В финале молчание приобретает экзистенциальный характер, становится символом абсолютной пустоты и небытия. Оно отражает предельную форму измененного состояния сознания героя, в котором разрушается связь с реальностью: «Взойдет солнце и — посмотрите на него, разве оно не мертвец? Все мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля» [Там же, с. 35]. Повествование ведется от первого лица, значит, выбрана субъективная точка зрения, и мы не можем судить о том, действительно ли мир столь разрушающе молчалив — или молчание мира и Другого есть лишь следствие невозможности героя слушать и слышать.

Заключение

Итак, на основании приведенного выше анализа можно сделать несколько выводов о роли мотива молчания в повести Ф. М. Достоевского «Кроткая». Молчание проявляется как физическая тишина — способ дистанцирования, отказ от общения; как инструмент власти и психологического давления; как форма внут-

реннего смирения. Мотивный комплекс рассказчика демонстрирует молчание в его агрессивной и более определенной форме, в связи с образом героини молчание являет свою амбивалентную суть. Героиня и ее молчание остаются тайной, ускользают от понимания рассказчика и читателя. В финале эти противоречия сходятся в экзистенции молчания — принципиальной невозможности диалога с Другим и с миром.

Таким образом, мотив молчания в «Кроткой» не ограничивается простым отсутствием диалога: он становится ключевым средством раскрытия внутреннего мира персонажей, их психологических изменений. На наш взгляд, молчание не только сопровождает измененное состояние сознания героев, но и непосредственно участвует в формировании соответствующего мотива, маркируя моменты внутреннего кризиса, утраты связи с реальностью и нарушения коммуникации. В этом смысле оно становится важнейшим элементом художественной системы произведения.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963. 342 с.

2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/baht_form/10.php (дата обращения: 06.05.2026).

3. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское общество, 2016. 1296 с.

4. Бондаренко К. А. Художественная реальность в повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Сер. 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. 2022. Т. 74, № 1. С. 48–52.

5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Том 24. Дневник писателя за 1876 г. (ноябрь — декабрь). Ленинград: Наука, 1982. 514 с.

6. Ковалев О. А. «Кроткая» Ф. М. Достоевского: автор-наблюдатель, интерпретатор и фантазер // Филология и человек. 2021. № 2. С. 106–114.

7. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2017. 54 с.

8. Пищальникова О. О. «Рисуя эпоху»: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского как энциклопедия жизни русского общества XIX века через призму гуманного сознания автора // Вестник БГУ. Филология. 2025. № 2. С. 59–68.

9. Полоцкая Э. А. Литературные мотивы в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский: материалы и исследования. 1994. Т. 11. С. 259–267.

10. Силантьев И. В. Поэтика мотива. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

11. Сулейманова М. С. Внутренняя драма героев рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая» // Литературное обозрение: история и современность. 2011. № 1. С. 43–46.

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 07.09.2026; принята к публикации 23.09.2026.

THE POETICS AND FUNCTIONS OF THE SILENCE MOTIF
IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVELLA – THE MEEK ONE (KROTKAYA)

Reya A. Akhadova
Research Assistant
roya.akhadova@bk.ru

Mariya L. Shtukkert
Cand. Sci. (Philology), A/Prof.
torkwemashenka@yandex.ru

Irkutsk State University
1 Karla Marksa St., 664003 Irkutsk, Russia

Abstract. The article analyzes the silence motif in Fyodor Dostoevsky's novella – *The Meek One* (*Krotkaya*). The motif under study is examined in its correlation with the motif of altered states of consciousness. The relevance of the research is driven by the need for an in-depth study of the artistic mechanisms representing human inner experience in crisis situations, as well as the insufficient development of the question regarding the functional role of silence in the novella's poetics. The study aims to identify the specific functioning features of the silence motif. Its methodological framework is based on motif analysis, carried out with reliance on the tenets of the motif theory synthesized by I. V. Silantiev. The article substantiates the formal and substantive features for identifying the silence motif, examines its main varieties (stillness, silence as a form of power, humility, and existential silence), and explores their connection to the key stages of the characters' internal crisis. It is established that silence in the novella acts not only as a characteristic of a communicative rupture but also as a crucial means of artistic representation of borderline states of consciousness. The authors conclude that the silence motif is a significant element of the work's artistic system, contributing to the disclosure of psychologism and the transmission of the characters' borderline states of consciousness.
Keywords: Fyodor Dostoevsky, The Meek One, motif, motif analysis, altered states of consciousness, silence motif, stillness, artistic consciousness, psychologism, internal monologue, borderline states.

For citation
Akhadova R. A., Shtukkert M. L. The Poetics and Functions of the Silence Motif in Fyodor Dostoevsky's Novella – the Meek One (Krotkaya). *Bullet of Buryat State University. Philology.* 2026; 3: 73–81 (in Russ).

The article was submitted 14.05.2026, approved after reviewing 07.09.2026; accepted for publication 23.09.2026.